Творчество

Теплый ключ

Сегодня у Нины Георгиевны Кондратковской день рождения. Уже несколько лет нет ее с нами, но ее светоносная поэзия продолжает согревать всех нас.

Нина Кондратковская впервые выступила в печати в 1942 году. Ее стихотворные сборники «Фестиваль во дворе», «Вертолет», «Минутки» адресованы детям. Затем были книги «Листопад», «Теплый ключ», «Синий камень» и «Сердце-озеро».

Для поэзии Нины Кондратковской характерна сосредоточенность на духовном, внутреннем мире человека. Тут и истинная боль нестареющего сердца, и неподдельный восторг перед красотой мира, и печаль, и думы о радостях и бедах человеческого бытия, и главное — поэтическое ощущение пульса времени.

* * *

Нам кажется, что мы умней, чем дети.
Нам в объективе лет, ошибок, дел
Привиделось, что знаем все на свете
И поучать — высокий наш удел.
А дети, если пристальней вглядеться,
Иных высот постигли дух и стать,
И надо нам душой вернуться к детству,
Чтобы от них в дороге не отстать.

Добрый вечер

Отчего, полны предчувствий,
По-осеннему сухи,
Горьковато-светлой грустью
Отдают мои стихи?
Отчего в их мерной речи,
Как признанье, как зарок,
То и дело — «добрый вечер» —
Кто-то шепчет между строк?
Оттого ль, что впрямь он добрый,
Звезды падают в теплынь,
В пряный запах помидорный,
В придорожную полынь?
Оттого ль, что утро где-то
Растеклось в голубизне?
Оттого ли, что пропето
Все, что надо, о весне?
Или день мой быстротечен
И, отзывчивость храня,
Он велит, чтоб добрый вечер
Добрым светом грел меня?

* * *

Хорошо, когда запоется,
Только песня была бы — своя,
Как вода в глубине колодца.
Чтобы в песне — лишь ты да я.
А еще хорошо такое:
Песня вылилась, потекла
Из колодца — ручьем, рекою
В море свежести и тепла.
Но хотелось еще бы лучше:
Пусть бы песня, что мы сберегли,
Стала чьей-то мечтою жгучей,
Чьей-то радостью неминучей,
Чтоб не петь ее — не могли.

Человек увидел сон

Борису РУЧЬЕВУ

Человека мучил трудный сон:
Сытный хлеб пахучий видел он,
Даже ртом касался иногда.
Человек был голоден тогда.
И в другую ночь он увидал:
В три обхвата камень он катал.
Докатить до полгоры хотя б!..
Человек отчаянно был слаб.
А потом увидел он ее:
Поливало солнце на жнивье.
Он метался, звал: «Иди ко мне!»
А шаги заглохли на стерне.
Он проснулся. Сапоги надел.
День в окно рассеянно глядел.
И в глазах его увидел боль,
На висках — беды великой соль.
Как нашел любовь он и еду,
Как вернулся к жизни и труду,
Вспоминает — и не вспомнит он.
А теперь — и счастлив, и силен
Он идет. Идет и говорит:
— Был убит я? Был. А недобит.
Отняли любовь? А я — любил.
Взяли силы? Я пошел без сил.
Хлеба недостало — я стерпел.
Выжимали стон — а я запел.

Шесть сонетов

* * *

Ах, если бы еще одну мне жизнь!
Ну хоть полжизни,
ну хоть четверть, что ли...
А то за эту, малую, держись —
И не имей в запасе лишней доли.
Ах, если бы еще... Но для чего?
Да так вот: оттолкнуться от причала,
Постигнуть суть потомства своего —
И повторить бы все опять сначала.
Предупредить ошибки прошлых лет,
Но снова остучаться в честном рвенье
И расшибаться, пробивая след,
И ставить на предел сердцебиенье,
Отчаиваться, ликовать, влюбляться,
Мечтать, свершать и жизни удивляться.

* * *

Одолевать и время, и пространство
Не сможешь ты без солнца и любви.
И в летнюю погоду, и в ненастье
Зови любовь. Всегда ее зови.
Она дыханьем усмирит метели,
Полдневный жар сквозь вьюги пронесет,
Чтоб крылья у тебя не леденели
На гранях неизведанных высот.
А если ты спросонья иль с обиды
Мечту предать готов, сойдя с орбиты,
Любовь разбудит, наведет на след.
Но только сам ты солнца ей не застя —
Любовь без солнца, что судьба без счастья.
Любовь! Она так любит ясный свет!

* * *

Полярный лед и летняя гроза —
Ведь это ты и я на них похожи:
Ты скажешь против, я тотчас же — за,
И день за днем всегда одно и то же,
Ты — да, я — нет... Но только в мелочах.
А если сердце главного коснется,
То лед в твоих растопится очах,
Да и моя гроза в груди уймется.
И снова час за часом, день за днем,
Зимой и летом мы с тобою рядом,
И лед опять сшибается с огнем,
Затишье — с электрическим разрядом.
Гроза и лед — все в мире совместимо,
И наша доля не проходит мимо.

* * *

И наша доля не проходит мимо,
И верность наша провёряет нас
Так чутко, зорко, так неутомимо,
То в ум, то в совесть, будто в дверь стучась.
Не станет соглядатаем лукавым
Она ступать ревниво на крыльцо:
Иным извечно пользуется правом —
Доверчиво смотреть тебе в лицо.
Пусть верность верой чистою надежна,
В словах — тверда,
в решеньях — осторожна,
Проста, не подозрительна, не зла,
Но обмануть ее — нет горше боли!
Опустошит, навеки обездолит —
И жизнь прошла, как будто не была.

* * *

Уму, глазам и сердцу вопреки
Не поступай и не криви при этом,
И от порывов смелых не беги,
И не держи волненье под запретом.
Щедрей живи, и гневайся, и пой —
Пусть пламень тот до смерти не уймется.
Отзывчив будь. Тогда на голос твой
Мир всеми голосами отзовется.
Страсть охраняй и разумом, и силой,
Чтобы все то, что честно и красиво,
Не расплескать, не смять, не обронить.
Постигни это мудрое искусство,
И жаждущим живое хоронить
Не уступай священных прав на чувство.

* * *

Почувствуй только Родину в себе —
И каждый час твой до отказа полон:
Ты весь в ее дыханье и борьбе,
Любою болью, как любовью болен.
И даже в передышке между дел,
Доказывая, радуясь и споря,
Глядишь на все, чего не оглядел,
От гор до гор, от моря и до моря.
В глазах любимых — Родины весна,
Врагам спесивым — Родина гроза.
Я с ней пою, я плачу, я ликую,
Я не иду, а шествую вперед, —
И лишь тревога за душу берет:
А хватит жизни на любовь такую?

Полуночники

Михаил РОТАНОВ

ИЗ ЗАПИСОК ИНСПЕКТОРА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Ночной сторож магазина «Горторга» Лукич, взяв в руки старенькую «Берданку», неторопливо обходил охраняемый объект. Было тихо вокруг, лишь со стороны улицы Комсомольской изредка раздавался лай собак. Что-то тихо скрипнуло, и из-за угла магазина появились двое незнакомых мужчин, которые быстро удалились в сторону рынка.

Все меньше и меньше светилось окон в соседних домах. На площади, около клуба коксовиков, гуляло несколько влюбленных парочек, играла гитара. Через открытую форточку еле слышно доносился малиновый перезвон кремлевских курантов. Город погружался в глубокий сон.

Еще вчера у Лукича разболелась нога, то ли из-за нового протеза, или к непогоде. И действительно, вскоре потянуло прохладой, засверкала молния, и крупные капли дождя застучали по крыше магазина. Осмотрев окна и замки на дверях магазина, Лукич поспешил укрыться от непогоды в своей тесной сторожке, стоящей рядом с магазином. Закрыв за собой дверь, он осторожно поставил свое ружье в угол и сел отдыхать. Неспешно набил трубку самосадом, погладив свои пожелтевшие усы, причмокивая, закурил. Дождь прекратился. Лукич старательно протирал ружье, время от времени выпуская изо рта колечки дыма. Закончив привычное занятие, он одел дождевик, вышел из сторожки и отправился осматривать свои «владения». Грохотали грозовые раскаты. Неожиданно погасло электрическое освещение, стало темно и жутко. Кругом ни души, да и кто будет бродить по ночам в такую ненастную погоду. Озираясь, он быстро возвратился в сторожку, снял с себя брезентовый плащ, торчащий колом, оперся на ружье, начал пристально всматриваться в окно. Косые капли дождя рябью застилали оконное стекло и мешали наблюдению за охраняемым объектом.

Боль в ноге постепенно прошла. Тепло и испарение, скопившиеся в сторожке, гнетуще действовали на Лукича, клоня его ко сну. Он крепился, но нет-нет да и клевал носом в оконную раму.

— Хорошо, что не в стекло, — шептал он, — а то греха не миновал бы.

Ему редко приходилось отсиживаться на работе, а сегодня дождь и кромешная тьма загнали его в сторожку. Прислонившись к оконному косяку, напрягая зрение, он пытался разглядеть двери и окна магазина, но вместо них видел только большие темные пятна, которые постепенно расплывались и исчезали... Он заснул.

Из-за шороха за дверью Лукич вскоре очнулся, но было уже поздно. Сорвав дверь с крючка, к нему ворвались двое дюжих мужчин, которые, отобрав ружье, связали его. Он попытался крикнуть, но чья-то рука ловко втиснула ему в рот вонючий кляп и он «засопел».

Подперев дверь сторожки, преступники забрались на чердак магазина, разобрали дымоход и проникли в торговый зал, остальные укрылись внизу. Совершив кражу промтоваров на большую сумму, они вывезли добычу за город и спрятали в лесопосадке.

Утром продавцы соседнего продовольственного отдела магазина первыми обнаружили неладное. Оказав помощь сторожу, они вызвали милицию. На место дерзкого преступления прибыли работники отделения милиции и руководство уголовного розыска отдела милиции с опытным экспертом-криминалистом.

Несмотря на прошедший проливной дождь, нанесший непоправимый вред следам преступления, тщательный осмотр места происшествия помог обнаружить и изъять несколько ворсинок от одежды, оставленных преступниками на проеме дымохода. Разбирая трубу, они брались за кирпичи, покрытые сажей и, не замечая того, произвольно дактилоскопировали себя, оставляя следы своих пальцев на стеклах витрин и пластмассовой шкатулке с разменной монетой. Эти следы оказались бесценной находкой для криминалистов, оттенок сажи благотворно влиял на их обработку.

После тщательного исследования обнаруженных отпечатков пальцев удалось установить личность одного из участников совершенного преступления, которым оказался Николай Сидоренко, недавно вернувшийся из мест заключения. Остальные следы оставались «безымянными», которые могли принадлежать правонарушителям, ранее не попадавшим в поле зрения милиции, либо преступникам из «залетных».

Перепуганный сторож магазина сообщил, что на него напали двое мужчин, но кто они и во что были одеты, не рассмотрел. После того, как его связали и закрыли в сторожке, он слышал бой копыт и храп лошади, стоящей около магазина. Больше дополнить ничего не мог.

Раскрытие дерзкого преступления было поручено опытному инспектору уголовного розыска Василию Ивановичу Садовникову. Ему помогали участковый инспектор Степанюк и другие работники отделения милиции. Используя богатый опыт и оперативное мастерство, уже на второй день напал он на след разыскиваемого Сидоренко, но задерживать его в пивной воздержался. Мешал полный мужчина лет тридцати, сидящий с ним за одним столом, руки которого были в татуировках. Это особо насторожило инспектора. Связавшись по телефону с начальником отделения милиции, Садовников срочно запросил помощи и вскоре получил ее. Сидоренко и его собеседник были задержаны и доставлены в милицию.

В ходе умелого проведения следственных действий и наличия неопровержимых улик, Сидоренко дал развернутые показания, признав нападение на сторожа и кражу промтоваров из магазина. Назвал он и некоторых своих сообщников, был готов показать место нахождения краденого, чем надеялся добиться смягчения меры наказания за содеянное.

— К данной краже, — сказал он, — мы готовились давно, но долго не могли раздобыть подходящий транспорт, на чем можно было бы увезти краденое. Накануне совершения кражи случайно узнали об имеющейся в тубдиспансере хорошей лошади с упряжкой, которая в ночное время никем не охраняется, ее и увели...

Изучая подходы к магазину, преступники особо обратили внимание на небольшую чердачную дверцу, расположенную с торцовой стороны здания, чем и воспользовались. Еще до дождя один из них проник на чердак магазина, дождался грозы и доской оборвал провода освещения, после чего и была совершена кража промтоваров.

Сидоренко всячески уклонялся от прямых ответов, касающихся установления организатора столь дерзкого преступления, но не выдержал и назвал его. Им оказался бежавший из исправительно-трудовой колонии квартирный вор Расторгуев, задержанный вместе с Сидоренко, как лицо, назвавшееся Ремизовым, приехавшим из города Уфы к знакомой девушке.

Через несколько дней были задержаны и остальные участники преступления. Выкраденные из магазина товарно-материальные ценности были изъяты и возвращены в торговую сеть.